

ГОЛОСА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК 37.013 ББК Ч403(2)-8

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Ф. СОЛОГУБА

Аннотация. В статье привлекается внимание к позитивным моментам в педагогических воззрениях Ф. Сологуба (уважение к личности ребенка, неприятие бюрократического надзора в сфере образования), остающимся актуальными и в наше время.

Ключевые слова: телесные наказания, образ ребенка, Ф. Сологуб, «передоновшина».

N. V. Barkovskaya
Yekaterinburg, Russia

ON THE EDUCATIONAL VIEWS OF F. SOLOGUB

Abstract. The article draws attention to the positive aspects of F.Sologub's pedagogical views (such as respect for child's personality, rejection of the bureaucratic educational supervision) which are still relevant nowadays.

Keywords: corporal punishment, the image of the child, F.Sologub, "peredonovschina".

В этом году Федору Сологубу (1863–1927) исполнилось бы 140 лет. «Зев беспощадной орхидеи // твой строгий символ, Сологуб», – таким он виделся Валерию Брюсову. Андрей Белый писал: «Федор Сологуб – один из первых стилистов нашего времени. Его яркий, отточенный, жгущий слог, сочетающий простоту и изысканность, холод и огонь, нежность и суровость, все становится гибче и гибче».

Причудливый, странный, пряный декадент Ф. Сологуб – он, тем не менее, самый «простонародный» из всех наших символистов, сын крепостного портного и прачки. А. Белый утверждал: «Сологуб – чисто русский писатель. В его творчестве отразилось и очарование безысходных просторов земли русской, и вечный сон обывателя глухой русской провинции». Удивительно современно звучит его слово. В предисловии ко второму изданию романа «Мелкий бес» автор писал: «Нет, мои милые современники, это о Вас я писал мой роман о Мелком бесе и жуткой его Недотыкомке...».

В 1921 г. Ф.Сологуб не получил разрешения на выезд, в этом же году его жена покончила с собой, а писатель пережил ее на шесть лет, будучи уже отнюдь не «мэтром», а социально-чуждым пролетарской литературе. Возвращение Ф.Сологуба читателю началось только в конце 80-х – начале 90-х гг.

За Федором Сологубом закрепилась одиозная репутация садиста, эротомана, сатаниста и некрофила.¹ Общим местом стало упоминание о любви писателя к тихой, прекрасной Смерти и презрению к грубой, вульгарной Жизни. Шокирующе звучит финальный призыв в статье Сологуба «О телесных наказаниях»: «Пусть же порют ребенка. Дома их должны пороть родители, старшие братья и сестры, старшие родственники, няньки, гувернеры и гувернантки, домашние учителя и даже гости. В школе его пусть дерут учителя, священник, школьное начальство и сторожа, товарищи, и старшие, и младшие. В гостях за малость пусть его порют, как своего. На улицах надо снабдить розгами городских: они тогда не будут без дела».² Известно, что Сологуба секли мать и сестра, он принимал наказание как должное.

Но, как нам кажется, это одна из «истлевающих личин» писателя-символиста. М. Павлова полагает, что Сологуб не стал публиковать статью «О телес-

ных наказаниях», поскольку в это время (около 1893 г.) решался вопрос о назначении его на должность инспектора.³ Трудно сказать, полностью ли отсутствуют в статье Сологуба ирония или эпатаж, действительно ли он так верил в пользу розги. В любом случае, апологетами порки в его произведениях и, прежде всего, в романе «Мелкий бес», являются негодяи, в симпатии к которым трудно заподозрить автора. М. Павлова указывает на более позднюю статью Сологуба «О школьных наказаниях» (1902), в которой Сологуб осуждал жестокость учителей. Не думаем, что такая перемена взглядов объясняется только карьерными соображениями. Проблема допустимости телесных наказаний в школах широко обсуждалась уже в середине XIX в. Выдающийся врач и педагог Н.И. Пирогов выступил в 1858 г. со статьей «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей?». Он ушел в отставку с должности попечителя Киевского учебного округа после того, как учителя не согласились на отмену телесных наказаний. Н. И. Пирогов считал, что публичные порки унижают ребенка, уродуют его душу. Но ведь и Сологуб в пресловутой статье «О телесных наказаниях» исходил из интересов ребенка. Воспитание,

¹ Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К.Тетерников. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 339.

² Цит. по: Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К.Тетерников. С. 486.

³ Там же. С. 244-245.

писал он, должно по возможности обходиться без наказаний. Цель воспитания – сильный и свободный характер. Такой характер не может сформироваться в условиях чрезмерной опеки или жесткого, почти тюремного контроля. Если же ребенку предоставлена значительная свобода, то неизбежно будут проявляться и такие порывы и стремления, которые приводят к серьезным проступкам, вызывающим в ребенке разлад духа, мучения совести. Гораздо гуманнее, полагает Сологуб, «снять» эти моральные мучения заслуженным телесным наказанием (не чрезмерным и не совершаемым со злобой!), чем истязать ребенка нравственно, грубо вторгаясь в его душу, добываясь слез и жалких слов. Чужая душа, пишет Сологуб, должна быть для нас святыней. Сопоставление «святочных историй» А. Куприна «Чудесный доктор» (о Н.И. Пирогове) и Ф. Сологуба «Рождественский мальчик» выявляет различное представление писателей об основах социального устройства, разное понимание природы человека, но оба рассказа написаны во имя свободы личности.

Сологуб с сарказмом изображает полицейские нравы в школах, засилье невежественных учителей – изо дня в день они унижают личность ребенка, глушат все доброе, поощряют рабскую, тупую покорность, провоцируют лживость и трусость. Не будем приводить хрестоматийные примеры из романа «Мелкий бес», где учитель словесности Ардальон Борисович Передонов лебезит перед вышестоящими, унижает тех, кто ниже его по чину, ненавидит все чистое и аккуратное, ничего не читает и потешает учеников нелепыми толкованиями пуштинских строк. Именно он наслаждается свистом розог и криками наказываемых учеников. Напомним, что Передонов сумел сделать блестящую карьеру, став со временем вице-губернатором (а то, что он убил Володина, даже укрепило его репутацию: было объявлено, что Володин говорил недозволенные вещи).

В первой части романа «Творимая легенда» показана организованная Триродовым школа, где дети воспитывались свободными от наказаний и зубрежки, росли вольными и здоровыми. Заподозрив политическую неблагонадежность, с проверкой «учебная полиция». Инспектор народных училищ Леонтий Андреевич Шабалов, пишет автор, был совсем одиачный человек, даже наружностью напоминаящий лохматого медведя. Школьного дела он совсем не знал, место инспектора получил по протекции в «награду за богомольность, патриотизм и правильный образ мыслей». Учителям он говорил: «Мне <...> не надобно выдающихся учителей. Я умников да умниц не люблю <...>. Главное, батенька, в жизни и в службе – не заноситься. У меня, батенька, выполняй казенную программу, и сиди себе смиренно, и благо тебе будет. Программу-то учебную составляли люди не глупее нас с вами, так нам с вами о программах мудрствовать не приходится».⁴ Сологуб приводит форму (бланк) казенной бумаги, рассылаемой инспектором по школам. В частности, в одной из таких

бумаг инспектор грозился уволить со службы учителя, выходящего за пределы программы, «сообщая учащимся сведения из истории и географии, народу не нужные». Особенно не нравился Шабалову местный педагогический кружок, где обсуждались вопросы воспитания, обучения и устройства школ. Подробно описан визит проверяющих (Шабалова, директора народных училищ Дулебова, вице-губернатора Передонова) сначала в городское училище, где учителя тряслись от страха, а мальчишки озорничали во дворе, но при этом пели «патриотическую» частушку про великую Русь, а потом и в школу Триродова. Дулебов требовал столько «разных отчетов по установленной форме», что Триродову пришлось нанять маленького чиновника из казначейства, чтобы он приходил по вечерам и заполнял «эту ерунду». Проверяющие были шокированы свободным поведением ребят и их ответами на вопросы. Так, Шабалов крикнул встретившему их мальчику, чтобы он снял шапку. Мальчик не понял сути приказа, снял шапку и протянул ее инспектору: «На». После письменного экзамена, с которым дети справились хорошо, начался устный экзамен. Ответы детей не обнаружили требуемых «высоких чувств любви к отечеству, верности Монарху и преданности православной церкви». Так, один мальчик ответил на вопрос, какая страна лучше, Россия или Франция, что кто где привык, тому там и лучше. Шабалов возмутился: «Матушка Россия православная! Разве можно какое-нибудь государство равнять с нашим! Слышал, как нашу родину называют? Святая Русь, мать Россия, святорусская земля, а ты – болван, остолоп и свиненыш» [2; 188]. Школа Триродова будет закрыта («Это не школа, а порнография!»), на что Триродов резко ответил: «Закрывать школы вы умеете».⁵

Сологуб мечтал о том, чтобы люди вернули себе дружбу со стихиями природы, вернули себе свет: «Просвещение наше в упадке. Одежды наши темны и скучны. Жилища у нас сумрачны и суровы. Дети наши закутаны, чтобы солнце не обожгло их кожу».⁶ Дети не знают вольного ветра, мягкой, сырой земли, боятся холодной, чистой, струящейся воды. С иронией пишет Сологуб о «дрезденских скромницах» – дамах, потребовавших запрета на картины, изображающие только тело, а не тело с одеждой. Раз уж природа сотворила много пакостей (руки, ноги, животы, спины и проч.), рассуждают они, пусть эти неприличные предметы будут спрятаны. Это необходимо для того, чтобы подростки не развращались; у каждого подростка есть тело, но если он посмотрит на чужое, то сейчас же и развратится немного.⁷

У Сологуба другая программа «жизнетворчества», пусть утопическая, но все же привлекательная. Он сознает, что «мы слабы, не искусны, не дружны, не свободны», но мы можем постараться, чтобы дети наши были просто детьми, а не безумными Дон-Кихотами и не Гамлетами на «перекрестке» между

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. – М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 547. [Сологуб 2001: 547]

⁷ Там же. С. 545.

⁴ Сологуб Ф. Капли крови. Избранная проза. – М.: Центурион, Интерпракс. 1992. С. 171.

смертью и жизнью. Вот его совет: «Родители, любящие ваших детей для них, а не для себя, знают, что радость, сила и свобода ваших детей прежде всего в их теле. Пусть оно будет сильное, веселое, свободное. Пусть ваши дети часто бегают босыми ногами. Вверьте их мудрейшим из воспитателей, милым стихиям: земле, воде, воздуху и солнцу».⁸

В рассказе «Звериный быт» (сюжет которого составляет интрига злых людей, готовых убить ребенка ради того, чтобы завладеть его деньгами) Алексей Григорьевич после смерти любимой жены единственную отраду видит в своем сыне, стремится уберечь его от «разевающего пасть Зверя» - пошлости, жадности, зависти и злобы. Вначале Алексей Григорьевич читал много книг о воспитании, но не знал, как поступить: воспитывать ли сына со всей осторожностью горожанина, оберегающего дитя от опасностей, или же пойти по пути «мудрого деревенского жителя», бросающего ребенка в мир, благосклонный для сильных и истребляющий все слабое и больное. В конце концов, он выбрал путь, на котором сочетаются мудрая забота и суровая простота, где преодоление трудностей рождает гордое чувство победы. Его основные принципы воспитания - «свобода, дисциплина, гимнастика и техника». Ребенок рос, освобожденный от догм, в союзе с природными стихиями земли, воды, солнца, рос бодрым и веселым.⁹

Любопытно сопоставить рассказ Ф. Сологуба «Свет и тени» с рассказом Л. Петрушевской «В детстве». Исходные ситуации похожи: ребенок, угнетенный грубостью школьной жизни, оказывается на грани психического срыва. Нежная, любящая мать в рассказе Сологуба предпочитает погрузиться вместе с сыном в мир грез, тем самым губит ребенка окончательно. Мать в рассказе Петрушевской сумела вырвать сына из маниакального состояния, пусть и ценой эмоционального шока. Сологуб неустанно говорит об ответственности взрослых перед детьми, о недопустимости крайностей как суровой жесткости, так и мягкосердного всепрощения.

Очень часто рассказы Сологуба о детях заканчиваются смертью героя. Далеко не всегда виноваты социальные обстоятельства, обрекающие на нищету и болезни. Гибнут и дети из благополучных семей, выросшие под надзором гувернеров, привыкшие подчиняться, дети со слабой волей. Так происходит в рассказе «Жало смерти». Беленький и веселый мальчик Коля, здоровый, благополучный, нежно любящий мамочку, попадает под влияние Вани, злого и дерзкого, с зеленоватым, гримасничающим лицом, светлыми русалочьими глазами. Он учит Колю курить, пить вино, не слушаться мамочки, рвать и пачкать одежду. Он словно окутывает Колю ядовитым туманом, вынимает из него душу, внушает мысль о самоубийстве. Его русалочьи глаза очаровывают Колю, погружают в мечты о смерти, верной и нежной, в сладостное забвение жизни. Печальная, тихая, темная ночь, полная луна, светло-зеленая и

некрасивая, с неживым, ворожащим светом, неподвижная вода реки, молчание, зловещие белые цветы на берегу – все это завораживает Колю, и он бросается с обрыва в реку. Но предсмертное безволие охватило и беса-искусителя: «Соблазняя, соблазнил он и себя самого смертным соблазном, - своим ядом отравленный отравитель».¹⁰

И только в одном рассказе дети предпринимают попытку сорвать «истлевающие личины» псевдожизни, вырвать другого из плена «заклятых стен» (рассказ «В плену»). Делают они это детскими, земными же средствами, и попытка, разумеется, не удалась, но важно то, что она все-таки была. Семилетнему Паке (Паше), ребенку из богатой семьи, очень тоскливо на даче, под постоянным надзором студента и гувернантки, хотелось бы погулять одному, вырваться на речку, в поле, в лес. В один из жарких полдней странная фантазия пришла ему в голову. Он решил, что настоящая милая мама его где-то далеко-далеко, а он, Пака, пленный принц, во власти злой феи, принявшей обманом облик его милой мамочки. Он рассказал об этом проходившим мимо ограды трем мальчикам, детям капитана. Ребята пожалели мальчика, которого никогда не пускают играть на воле. Они решили разрушить злые чары с помощью магических «крылатых слов», которыми деревенские мужики и бабы снимают порчу и сглаз. За сорок копеек (весь капитал мальчиков) самый старый мужик в деревне, который «пил водку и произносил слова», научил их такому выражению, против которого, по его мнению, ни одна ведьма не устоит. И вот, во время ужина, сострадательнождавшись, когда Пака доест сладкое, ребята трижды прокричали эти «крылатые слова» под окнами дачи и пустили в окно три стрелы, на которых кровью была начертана та же самая брань. Все это вызвало переполох среди гостей, но злых чар не разрушило. Злая фея поспешила увезти Паку за границу, подальше от этих ужасных мальчишек. Радостное чудо освобождения не свершилось. Капитан задал нагонный своим детям, а мальчики плакали от жалости к Паке, оставшемуся в плену. А вот сами они живут без докучного надзора старших, они – «вольные охотники», индейцы, в лесу у них шалаш, на костре они готовят себе пищу, свободно ходят и на речку, и в поле. Наверняка они вырастут сильными и стойкими, а Пака со временем пополнит ряды неудачников, недовольных и тоскующих.

Таким образом, не нужно спешить уравнивать «передоновщину» с педагогическими воззрениями самого Сологуба. Автор биографический и автор-творец произведения не тождественны. Проблемы школы и воспитания, волновавшие Сологуба, не потеряли своей остроты и сегодня, так, например, весьма напоминает эпизод инспектирования и закрытия школы Триродова чиновниками от образования скандальная история вокруг попыток нестандартной педагогики в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу!».

⁸ Там же. С. 544.

⁹ Сологуб Ф. Мелкий бес: Роман. Рассказы. – М.: Правда, 1989. С. 435-436.

¹⁰ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 594.

Данные об авторе:

Нина Владимировна Барковская – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru

About the author:

Nina Vladimirovna Barkovskaya is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Modern Russian Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).